

Е. В. Кожемяченко (Минск, Беларусь)

Коннотативное значение имени собственного в поэзии М. Цветаевой

Явление коннотации – значимая и перспективная область лингвистического исследования: здесь решаются стилистические и психологические проблемы, связанные с нормами грамотного словоупотребления и текстообразования, а также вопросы многозначности слова и их реализации в коммуникативных актах. В результате более точного и дифференцированного подхода к проблеме коннотации появится возможность четче выявить ее специфику как в языке, так и в речи, а также проследить, каким образом коннотативное значение различных единиц языка участвует в создании подтекстовой информации.

В связи с этим представляется актуальным обращение к поэтическому творчеству Марины Цветаевой, одной из основных черт которого является семантический синкретизм языкового знака. Несмотря на обилие работ, посвященных вопросам коннотации в различных аспектах ее проявления, вопросы авторского расширения семантического объема слова, богатства его ассоциативных рядов, употребления лексем в нестандартных текстовых ситуациях требуют особого внимания и изучения. Творчество талантливого, глубоко национального писателя, как правило, дает весомый и содержательный материал для раскрытия коннотативных значений языковых структур и, таким образом, помогает выявлению способов реализации эстетической функции художественного текста. Вопросы лингвистической реализации коннотации, ее категориальности и функциональной нагруженности в поэтическом тексте все больше привлекают внимание исследователей.

У каждого большого художника слова создается свое уникальное ономастическое пространство, в котором отражаются мировоззрение, художественные идеи и библиографические факты. Круг личных имен в лирике М. Цветаевой очерчен довольно четко. По данным О. Г. Ревзиной, словарь

собственных имен поэтического идиолекта М. Цветаевой насчитывает около 800 единиц [3, с. 326]. В стихах М. Цветаевой выделяются две неравнозначные по составу и частотности группы личных имен: с одной стороны, это имена близких ей людей (сестры, мужа, дочери) и имя самого автора, с другой – имена прецедентные (мифологические, библейские, имена исторических деятелей, поэтов, литературных героев). Случайные имена, выполняющие в тексте определенную художественную задачу, но не несущие никакой биографической или культурной информации, встречаются в творчестве Цветаевой единично. Совокупность собственных имен – это особый мир, органически входящий во внутреннее художественное пространство текста и наряду с другими языковыми средствами, участвующий в реализации всех его категорий и свойств.

Марине Цветаевой свойственны «именные» циклы – отражение ее поэтическим сознанием образов современников – А. Блока, Б. Пастернака, А. Ахматовой, А. Пушкина, поэзия которых богата щедро рассыпаемыми индивидуально-авторскими коннотациями: «нежный призрак; рыцарь без укоризны; снежный лебедь; бесстрашный праведник» – Блок [1, с. 66–69]; «златоустая Анна; шальное исчадие ночи белой» – Ахматова: «О муза плача, прекраснейшая из муз / О ты, шальное исчадие ночи белой! / Ты черную насылаешь метель на Русь, / И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы» [1, с. 79–85].

Наиболее яркое отражение стихийного начала в творчестве проявилось в цикле «Ахматовой». Белые ночи – устойчивое сочетание, характеризующее природу северо-запада России, и в частности, Петербурга, когда в июне там наступает период белых ночей, когда, как писал А. С. Пушкин в «Медном всаднике», что одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса. Т. е. белая ночь в данном цикле – метафорический и узнаваемый образ Петербурга. Ахматова для Цветаевой в этот период – ее «северная сестра», «Муза Царского Села», поэт Петербурга. Авторское определение «шальное исчадие ночи белой» рождает

ассоциации, связанные с представлением о демоническом начале творчества, о его иррациональной природе – исчадие; стихийность, непостижимость творческого процесса – шальное, создают отрицательную коннотацию. Циклу «Ахматовой» присуще соединение несоединимого, что усиливает, актуализирует эмоционально-экспрессивную оценку. Эпитет «черная метель» коннотирует значения боли и стихии, страдания, происходит соединение света и тьмы. Семантически закономерным был бы эпитет с прилагательным белая в сочетании с метель. Благодаря контрасту (ночь белая – черная метель) поэт усиливает коннотативное значение, связанное с болью, страданиями лирического героя, с муками творчества. Талант Ахматовой сродни ветрам, океанам, бурям. Как они, он не подвластен человеку, первобытен, естествен и могуч. Талант – не как божественная искра, а как природная стихия. М. Цветаева не иносказательно, а прямо называет лирическую героиню чернокнижницей. А чернокнижие, как известно, колдовство, основанное на знакомстве с «нечистой силой», дьяволом. Крепостница – потому что властвует над душами людей; чернокнижница – потому, что в такой власти, в такой силе таланта есть что-то колдовское, чарующее, завораживающее, дьявольское – слишком силен и глубок талант. Она прямо в этом цикле называет Ахматову демоном: «И спит, а хор ее манит / В сады Эдема, / Как будто песнями не сыт / Уснувший демон!» [1, с. 80],

В ряду цветаевских пристрастий, ее безмерной любви или неприятия А. С. Пушкин занимает особое место. Ни к кому из поэтов М. Цветаева не обращалась в своем творчестве так часто и определенно, как к А. С. Пушкину. То великое деление цветаевского мира на поэта и всех, т. е. на дух и плоть, на бытие и быт, началось именно с А. Пушкина. «С тех пор, – писала она в своем эссе «Мой Пушкин», – да, с тех пор, как Пушкина на моих глазах на картине Наумова – убили, ежедневно, ежечасно, непрерывно убивали все мое младенчество, детство, юность, – я поделила мир на поэта и всех, и выбрала – поэта...» [2, т. 5, с. 58]. Знаменитая формула Цветаевой: «Равенство дара души и глагола – вот поэт» – как

нельзя лучше подходит именно к Пушкину: к ее восприятию его облика, жизни, его творчества. Роль и власть иррациональных стихий в судьбе человека – одна из главенствующих тем цветаевского творчества. Свобода, вольнолюбие, бесстрашие в жизни в стихах роднило ее с Пушкиным. Не случайно, что ее любимые пушкинские произведения – «Цыгане», «Бесы», полтавский бой в «Медном всаднике», стихотворение «К морю» – именно те, в которых пламенный и независимый нрав Пушкина выразился наиболее открыто. Для М. Цветаевой А. С. Пушкин – вольнолюбивый, с горячей африканской кровью, дерзкий, бесстрашный поэт. Ее восхищает его пекло губ, уст окаянство, самый вольный, самый крайний лоб. «Пушкину я обязана своей страстью к мятежникам, – писала М. Цветаева, – как бы они ни назывались и ни одевались» [2, т. 5, с. 510]. Цикл «Стихи к Пушкину» [2, т. 2, с. 281–290], написанный М. Цветаевой летом 1931 года, представляется в первую очередь как протест М. Цветаевой против академического «замораживания» настоящего, живого, вольнолюбивого А. Пушкина. Она сама охарактеризовала эти стихи следующим образом: «Стихи к Пушкину... Страшно резкие, страшно-вольные, ничего общего с канонизированным Пушкиным не имеющие, и все имеющие – обратное канону ... Они внутренне-революционны, ... они мой, поэта, одиночный вызов – лицемерам тогда и теперь» [2, т. 6, с. 449]. В первом стихотворении цикла Цветаева характеризует А. С. Пушкина через коннотацию отрицания того, чего в нем не было и быть не могло, а именно: Пушкин не монумент, Командор, лексикон, гувернер, русопят, гробокоп, мавзолей. Свое отрицание и неприятие такого Пушкина Цветаева выражает через ряд вопросительных предложений, через их синтаксический параллелизм: «Пушкин – в роли монумента? / <...> Пушкин – в роли Командора? / <...> Пушкин – в роли лексикона?» [1, с. 278–280]. Семантико-лексический ряд и вопросительно-протестующая интонация частично «переводят» данные вопросительные предложения в отрицательные: в каждом из них подтекстом выступает и ответ на задаваемый вопрос, который читается

однозначно – нет: не монумент, не Командор и т. д.

Безмерность и стихийность творчества вообще и пушкинского в частности Цветаева передает через антитезу, иронизируя над тем, что говорят о Пушкине «карлы»: «Пушкин – тога, Пушкин – схима, / Пушкин – мера, / Пушкин – грань...» [1, с. 280], т. е. выражая свое отношение к настоящему творчеству «от обратного», от того, чего в нем быть не может и не должно. Таким образом, семемы вызывают ряд дополнительных ассоциаций, имеющих оттенки иронии и сарказма.

Для Цветаевой Пушкин – миф, высшая точка сплетения всех коннотаций. Это и есть цветаевский вариант канонизации Пушкина, имя которого для нее уже было собственным именем божества и не нуждалось ни в каких параллельных наименованиях. А. С. Пушкина, по мнению М. Цветаевой, невозможно определить и оценить не только простому смертному, но даже поэту, потому что А. С. Пушкин безграничен; в его творчестве заложены все присущие человеку чувства, эмоции, настроения; в нем есть место всему, что доступно эмоциональной природе человека.

Поэзия М. Цветаевой гармонически сочетает традиционный поэтический язык с языком новых форм, реализуя тем самым потенциальные глубинные возможности русской языковой системы. Языковое новаторство никогда не являлось у М. Цветаевой самоцелью, поскольку цель у поэта одна – передать суть: «суть перекрикивает». Цветаева всегда утверждала, что для нее все слова – малы. Преодоление формы слова давало поэту возможность выразить свой духовный мир наиболее адекватно, а определенная сложность ее языка – это не простота истин, открываемых искусством, это создание совершенно неповторимого поэтического мира поэта.

Литература

1. Цветаева, М. И. Сочинения: стихотворения, поэмы, драматические произведения. В 2 т. / М. И. Цветаева. – Мн.: Нар. асвета, 1988. – Т. 1. – 542 с.
2. Цветаева, М. И. Собрание сочинений: в 7 т. / М. И. Цветаева. – М.: Эллис Лак, 1994–1995.

3. Ревзина, О. Г. Марина Цветаева // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей. / О. Г. Ревзина. – М., 1995. – С. 305–362.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ